

ДИАЛЕКТИКА И ГЕРМЕНЕВТИКА: ЛОГИКА ДЕЛА ПРОТИВ ЛОГИКИ СЛОВА

В начале было Слово, – сказано в Книге книг. Пятью столетиями раньше ту же самую мысль отстаивал Гераклит Эфесский. Миром правит Слово, и сам этот мир есть своего рода текст, – вторит ему философская герменевтика. Ну а всякий текст, разумеется, подлежит толкованию, интерпретации. Для чего прежде всего надо понять язык, на котором текст высказан или написан. Тезис о примате Слова роднит герменевтику и с ее идейными противниками – неопозитивизмом, структурализмом и постмодернизмом. Герменевтики старательно «вслушиваются» в язык, неопозитивисты погружаются в логический анализ языка и «языковые игры», структуралисты и постмодернисты пристально и пристрастно следят за самодвижением языковых форм в человеческой культуре.

Крестный отец герменевтики Мартин Хайдеггер воспевае язык как «дом бытия» и «жилище человеческого существа». Ну а человек тем самым превращается в «словесное животное» (определение Аристотеля: *zōon logikon*). Лучше всего эта дефиниция человека подходит писателям и поэтам, но не только им – всем, кому приходится большую часть своей жизни стоять «дома» из слов. Такова *их собственная* корпоративная «алетейа», несокрытая истина бытия. Не случайно герменевтика рождается в лоне филологии. Хайдеггер целыми пригоршнями черпает свои философемы у поэтов Рильке и Гельдерлина. В руках Гадамера и сама диалектика превращается из метода познания объективной реальности в искусство понимания текстов. Конкурирует с этой философской традицией, прежде всего, традиция *трудова*. Предтечей ее стал Бенедикт Спиноза, едва ли не единственный в компании великих философов, кто зарабатывал хлеб свой не языком – руками, шлифуя оптические стекла. Язык является низшей, наименее адекватной формой познания, утверждает Спиноза, – всего лишь смутной тенью бытия. Определение «словесного животного» подходит лишь человеку толпы, живущему в рабстве у своих чувств и страстей: «Слова, так же как и воображение, могут быть причиной многих больших заблуждений, если мы не будем их тщательно остерегаться. К тому же они установлены по произволу и пониманию толпы; так что они – только знаки вещей, как последние существуют в воображении, а не в разуме» [1, 350]. Адекватным выражением идей разума являются не слова, но практические действия, поступки. Спиноза любил повторять старую

житейскую истину, что «мы можем узнать всякого только по делам его» («Богословско-политический трактат»), и предлагал руководствоваться ею в вопросах веры и нравственности, правосудия и науки.

Историческое дело человека есть *труд*, подхватывает и развивает мысль Спинозы молодой Маркс. Человек является одновременно субъектом и продуктом собственного труда: «*всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом» [2, 126].

Как соотносятся слово и дело, язык и труд? Ответ на этот вопрос решает спор между двумя философскими традициями вообще, и спор между герменевтикой Хайдеггера–Гадамера и практически-материалистической диалектикой Маркса, в частности. А ответ, в общем-то, нехитер и очевиден для любого *дельного* человека.

Слова напоминают деньги. Это своего рода «банкноты» разума: у них нет собственной стоимости, зато они позволяют выразить мысленную стоимость любого человеческого действия. Слова уместны там, где они служат средством обмена *делами* (то же самое можно сказать о деньгах и товарах). «Дело – Слово – Дело», – вот формула, описывающая реальный генезис языка. Это прекрасно показал в своей «Диалектической логике» Э.В. Ильенков. С течением истории, однако, эта формула диалектически оборачивается, превращаясь в «Слово – Дело – Слово», в точности так же, как это происходит с отношениями товарно-денежного обмена в капиталистическом обществе.

Ильенков написал в свое время доклад «Диалектика и герменевтика», в котором исследовал природу философского культа Слова, который в XX столетии пришел на смену многовековому философскому культу Разума. Своими корнями этот культ – как, впрочем, и все остальные мистерии, небесные или земные, – уходит в общественно-историческую практику. В прошлом веке общественное разделение труда так углубилось, что число работников языка выросло сразу на порядок. Эти люди, пишет Ильенков, «живут исключительно в мире слов, в мире знаков, в мире символов, не имеющих почти никакого зацепления с действительностью... Для этих и им подобных профессионалов *язык* действительно превратился из *средства* выражения действительности в единственный *предмет* их работы» (3, 160-161). Противостояние логики дела и логики слова представляет собой не что иное, как идеальное отражение и выражение раскола между физическим и духовным трудом, и потому исчезнет не раньше, чем будет преодолен этот раскол.

Литература

1. Спиноза Б. Избранные произведения, в 2 т. М., 1957. Т. 1.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42.
3. Диалектика и герменевтика // Современные зарубежные концепции диалектики. Критические очерки. М., 1987. С. 133-163.